

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0057.01.01.

Мария Занько
21 августа 2012
Таре #1

- Ну што, рассказывать уже?
- Спасибо большое за то, что Вы с нами согласились встретиться. Сначала я хотела бы Вас попросить представиться. Как Ваше имя и фамилия?
- Севодняшня?
- Да, сегодняшня.
- Занько Мария Павловна, 24-ого року.
- А скажите пожалуйста, где Вы родились?
- Ясько Павла, Яковлевича, Ясько.
- Ясько.
- А теперь где мы находимся?
- Занько.
- Занько. А какое расстояние между этими двумя местами? Близко?
- Близко, через старую улицу, дорогу, как мы кажам, недалёчко-же.
- Несколько недель тому назад к Вам приезжали мои коллеги и Вы делились своими воспоминаниями. Мы вернулись сегодня сюда обратно, чтобы Ваши воспоминания записать.
- Спасибо Вам большее, что Вы приехали дорого краю, шо Вы меня навестили, старую бабушку, спасибо Вам, велике спасибо. Шоб Вы ездили, шоб великие дорожки шчасливые были! Обнеси Вас Божечко, обнеси Вас Божечко. Буду и молиться за Вас, што приехали з далекого краю к нам.
- Мария Павловна, это Вам спасибо, что Вы нас приняли.
- А как же? Я рада, я рада!

- Нам очень важны Ваши воспоминания, давайте теперь поговорим о старых временах.
- Як было мне.
- Как было. Помните ли Вы, как началась война?
- Помню. Помню, як война была, як боялися по селу ходить, по деревне, мы немцев боялися... Немцы сабе, партизанов боялися! Але партизаны- ж у лесе. Придут, возьмуць искушать и у сумку ды у лес, а немцы ж ходили! Ну, буду рассказывать, як мы з моим человеком познакомилися и надо было у город, у Ганцевичи, и у немецкую гмину идти подавать заявление на роспись.

Мы идем, а не было ж ни ботинок, ни туфляу, ничего – лапти были из лозы. Ён из лозы лапти, я из лозы и пошли мы у Ганцевичи, у город, подавать у немецкую гмину заявление. А ён, мой чалавек, рабил у немцеу, бункера рабил, посылали – то туды, то туды гонили! Там бункера, там бункера зрабиць немцам у саму дорогу. От мы идем с человеком подавать заяуление у Ганцевичи – тут бункер недалёка за деревнею: «Микола, Микола, куда?», - а ён: «Цурка, жаницца буду!». «Ой, гуд-гуд, цурка, гуд-гуд!». Ще у эты бункер поволокуць, я боялася. Ага. Идем, идем – други бункер. Ага. Уже входим у Ганцевичи, у город. А хто ж это ходил, што то бачыла я? А ще молодая, а тому што не бачыли, не ходили. Боялися ж немцев. Стоит два столбы таких красивых, да на тых столбиках ланцужки такие красивые весят. А я на своего человека говорю: «Николай, Коля, а што это таке?». А он знал, но меня не пугал, кажа: «Ничего, Мария, это так...». Ну мы и пошли в эту гмину. Там мы час были, можа и меньше, подали заявление. Идом назад, ой, як уздумаю, так плач берет... Идем назад - три человеки висит, а четвертого уже вешают, (???)! А я уже: «Ой-ой, Коля, ой-ой, Коля». А ён мне: «Надо было тебя, Мария, мимо вести города, чтобы ты этого не бачыла».

Маці мая лечила мене, як мы говорим, испуг шептала. Так спужалася (???), Што ты! Трох весят чалавек, а чатвертого вешат... А я же, ё-ё-ё-ёй!

Мой чоловек тоже, на мене кажа: «Не пугайся, не пугайся, гэто ж я дауно бачыу». От такие дела... Гэта, izdelali такую беду. Ага, от пришла я домой, маці меня лечила, перепугалася безбожна, да, от такие дела...

- Расскажите пожалуйста, а кто вешал?
- Ну немцы. Немцы, стояло около трех-четырёх человек, закручивают, а неким-таким паднимуць, а ён уже и полетел угору, уже и повешенный. Да, трох висело, четвертого уже вешали.
- А скажите, сколько этих немцев было?
- Там четырёх стояло.
- Сколько?
- Четыре.
- Четверо немцев?
- Да, стояли четыре немцы. Два так от стояли, а два вязали того и угору вешали.
- А что люди говорили, за что их повесили?
- А никто ничего не знал и не ведау, за что. Чи то сами себе кого поймуць.
- А эти люди были мужчины?
- Мужчины, мужчины молодые, мужчины, молодые мужчины.
- Они были в одежде гражданской?
- Гражданской, ёны были военны, нияки, у гражданской одежде были, от.
- А скажите, а на них были какие-нибудь знаки, таблички или что-нибудь?

- Не знаю, я ж не могу сказать, я ж не знаю, яны весяли, а у мене до гэтага уже было дзед! Я же плачу, плачу... (???) чем занимались, немцам не догодили, нешта ж было такее.
- Так сколько времени с начала войны прошло, как Вы это увидели?
- Так это ж я уже замужем я...
- Так Вы жениться ходили, это было что, лето или осень?
- Лето, лето, лето было, тепло было, ходили мы з чоловіком у лаптях.
- Расскажите пожалуйста, сколько километров от Вас до Ганцевичей?
- Километров 15.
- Так Вы пешком шли?
- Пешком. А немцы (???) доски поклали колючие, по тых же досках надо было идти. Да лапти тые! Одну пару стопчем – у Ганцевичи зайдем, другую перебуваем - назад идти. От такая жизнь была. Ой-ё-ё-ё-ёй...
- А что еще такого Вы видели при немцах, что еще было?
- Я ну ж я ажанилася, уже пришла сюды замуж, сюды у деревню, у эту хату. Ужо немцы, чутно, люди адзин к аднаму, што будучь деревню нашу палиць немцы. Гэтыя мужчыны – и мой мужык и мой свекор (бацька майго мужыка) - уночы пауцякали у лес. А мы уже, женщины, што сталися дома, давай и мы уцякаемо! Пошли мы за деревню, там хутор у нас был, пошли мы туды. Уже дожидаем, каб як-нибудь цякци через полянку. Поле такее, а лес далёко... Ага. Вот мы стаём, и я была, и больш было людзей, а одна женщина была с дзицятком, два годы дзицятку. Так чаго будем сидеть ждять – цикаемо у лес! Да яна, и дзицятко, и хлопчика ще других людей, ды побегли ж! Дзе уже ж бегли, ды пах, пах! Уже падаюць цее люди! А дзицятко штыком! Запороли... От, давай, а мы туды ж пойдам, уже ж мы тожа, уже ж побили людзей, а мы куды побягом? А мы побыли

там на хуторы и пришли назад. Хай ужо паляць и деревню, и все, давайте уже назад ворочаемся. Ды пришли уже назад, мы уже, додому. И (???) не палили деревни нашей. Так асталася. От такие дела...

- Тогда хочу чуть-чуть вернуться. Вы значит шли по лесу...
- Ага.
- И увидели...
- Што уже падаюць людзи.
- Люди падают?
- Вже женщина и дзицятко два годзики, и хлопчык другой. Адна перабегла ж полянку, а хлопчык не дабег! Хлопчыка забили...
- Хлопчыка забили чем?
- Так, стреляли, и яе, женщину тую, а дзицятко спороли.
- Так Вы говорили, люди падали, так их было только трое?
- Чацвёро было.
- Сколько?
- Чацвёро.
- Чертверо?
- Женщины, три женщины, мальчик и дзицятко.
- Так этих женщин постреляли...
- Постреляли! А мы ж уже не пошли, мы ж уже хотели идти, перабягаць эту полянку, у лес, та уже ж мы не пошли. Каб кажа што хочца робицца, дярэуню паляць, давайте вярнуцца.
- А этот маленький ребенок, сколько ему могло быть?
- Два годзики, а таму восемь, а таму восемь хлопчыку тоже...
- А что это были за люди?
- Ну наши з Люсина, з села, да хотели уцякци у лес!
- Они были белорусы?

- Да, деревня та недалеко, соседи наши!
- А как их звали?
- Парася.
- Парася?
- Парася, женщина, Парася.
- А других женщин как звали?
- А других женщин Лена, и Парася и Лена. Адна Катя уцякла. Як (???) яна уцякла.
- Так были три женщины.
- Три.
- Три. Одна была Парася, Лена...
- Лена, а Каця уцякла.
- Каця уцякла.
- А хлопчыка забили и дзицятко.
- А этот хлопчик и дзицятко малое был чей?
- То женщины, што забили.
- То был Парасин или то был Лены?
- Парасин. От такие дела...
- А кто их убивал?
- Ну немцы, немцы!
- Много там их было?
- Чатырох. И мы же ж бачым, мы ж глядзём, а мы же на хуторе цикаци ж хотели, бачым – уже чатыры немцы, уже люди падають. Як ишли так и пападали.
- Так Вы когда говорите «люди падають», Вы имеете ввиду эти две женщины?
- Ага.
- Две женщины и эти мальчики?

- Да-да.
- Так они хотели уйти в лес просто?
- Да, уцякци у лес. И я хотела! И нас было пару женщин, и мы хотели. (???) так и мы там лежали бы.
- А может Вы помните, какого цвета униформа была у этих немцев?
- Ну яка, зялёна форма, с этими, о, погонами, такие шапки, страшные, с нейким о такого. Немцы ж носили такие.
- Эти немцы увидели Вас или не увидели?
- Не. Каб нас увидели так пришли б нас и побили б! Яны не увидели нас. Мы уже давай у квартиру, у хату, закрылися, плачем, плачем, а далее уже ну хадемте уже у деревню, назад. Хай деревню паляць, што хочте робяць, але хадемте уже... Ды пошли уже. Правда деревню уже остановили, не палили.
- А кто похоронил потом этих людей?
- Два дни лежали! А далее мужик пришел и одной и другое, и мальчика то забрали, то уже разрешили немцы, каб забирали. А так коль хоць пришли забирать, так боялися, што и тых побьюць.
- Так если вот отсюда смотреть, на каком расстоянии, в каком лесу это было?
- А так за железную дорого туды к лесу, к лесу там.
- Сколько там километров?
- Два километры можа сюды за деревню.
- А как это было, Вы сначала слышали выстрел или сначала увидели, что?..
- Мы увидели як падають! Мы же ждем как они перебегут эту полянку так и мы пойдам. Дзе ж, это пах-пах! Не то што они, але вот чутна стрельба!

- А вот когда это все случилось, когда Вы их увидели, как далеко Вы от них были?
- Далековато были, далековато были. Вот мы на хуторе, а они вроде к лесу уже подбегали. Мы б не бачили, что они падали, але стрельба, пах-пах! Не ой-ёй люди ж падаюць тые, ой-ёй бабы ж падаюць! От гэта уже мы увидели. А далей кончили они уже, кончили. То я не буду рассказывать. Значит по улице хто ишоу, у квартиру ускочат, по вулицы, 80 чалавек побрали! И тут улица у нас, и закрыли у один дом 40 чалавек и у други дом 40 чалавек. Яны там сядзяць голодныя, холодныя, а немцы ж не пускали ж (???). А хто ж пустить, як сами мы боялися! Ну, моя свякруха, маці моего мужыка, дак кажа:
- Маня, я звару кашы да их.
- А якая каша?
- З жыта.
- Надереш - такие жорны у нас были - надереш таких круп, надереш и зварыш тья каши. Яна зварыла горшчык кашы, ага, и кажа: «Заняси». Я нясу сюда яго, надо было идти через полянку, немец!
- «???»
- Никогда слов тых не забуду, брыдкие слова. Я стала.
- Куда?
- Я ку: «Пан, там жа, кажу, мой мужык и бацко, я ж нясу, бычыце, кушать туды. Я иду и ён идзе, я иду и ён идзе. Приходим туды, у той дом, у адном мужык мой сидеу, а у другом уже другие сидели, прыхожу я туды, на тых мужчынкау:
- Здрасьце
- Здрасьце
- Поесци хочаце, хлопчыки?
- Кажа, тут не до ежы, зараз нас побьюць.

- А я плачу... Ага, а я кажу: «Дзе мой Миколай, чалавек мой?»
- Кажа: «Там, на жалезнай дарозе капае ямы, бо нас побьюць уже, Мария.»
- Ой-ёй! Я вышла, плачу, той немец, што ишоу за мною, тоже идзе за мною. Прыхожу я туды. А яма такая шырока! Вядома на 80 чалавек. Шырока, доуга. Я ку «Коля, хадзи поеш».
- Кажа: «Иди, уцякай домой, бо и ты тут будеш, (???)». Я уже плачу, а ён: «Иди-иди домой, бо и ты там будеш, и цябе забьют.» (???) Я иду и плачу, иду и плачу, иду додому, тую кашу прыношу, а моя свекровь ка:
 - Ну што, Маня, не отдала ты есци им?
 - Ой-ёй, маці, не кажи, не кажи, да плачу, плачу. Ну што, кажу, дак, кажу, пабьюць сягодні, да плачу, ды яна плача. Мы так и сядом у окне у той хате на кухне (???), нашы мужчыны ускокваюць у хату! Коля, вы што, пауцякали?
 - Не, ка, Мария, не пауцякали. Прыехали немцы ци прышли, сказали (???) идзеце адсюль. И мы, ка, ходу, пабегли дадому.

А хто выручыу? Тут у нас была женщина, ага, яна, немцы у яе стаяли, старшие, не простые, але старшие, на квартире. Яна им готовила и кушать, и все, шестёх, шесть немцев, начальство. Ага, яны ужо гавораці ёй: «Пани, бэндэм шчэляць тых людей!» А яна кажа: «Панство, мяне шчэляйце!»
 - А почэму?
 - (???) мою всю родню, (???) всех 80 чалавек постреляете! Кажа, страляйте мяне, шчэб пры мне гэтага не было! Так, кажа, шчэ поговорыли, поговорыли, да ка, зноу прышла да него да ка: «Пани, не бэндам шчэляць, пойдэмы попускаем!» А яна их цалуе кажа уже жанщина, Мария яе звали, цалуе, цалуе, няужэ тое прауда будзе. А

сека бачу вулицаю уже бягуць люди, ка, поупускали. А шо б не тая женщина, так 80 чалавек пастралілі!

- А вот когда Вы встретили того немца, на каком языке он с Вами говорил?
- Ён не умеу говорить, але ка: «Пани, куда?», (???). Больше он ничего не говорил. Ага, (???) плохие слова (???) тоже плохие слова. Ага, ён все казау «гоноветэр», иду, он усё казау «гоноветэр, гоноветэр». От такие дела.
- Когда Вы пошли в этот дом, где были Ваши мужики, кашу принесли, я так понимаю, что яму копали не все?
- Не, шесть человек, мой человек копал. Молоденьких отправили копать яму, а старэйшыя сидели у хатах.
- Это, которые были в хате, которые не копали яму, Вы знали этих людей?
- Ну, все село, знала каждого чалавека, каждого чалавека знала.
- Так они были с одного села?
- З одного села, из деревни нашей, все были.
- А сколько в селе вообще было людей?
- От всего мало осталось, тых побрали, 80 чалавек! А ще была деревня невелика, почти вся деревня была, мало осталось, вроде бы (???) не забірали.
- Так можно сказать, что они всех мужиков забрали?
- Всех мужыкоу, жанчын небыло, все мужыки были, от такие дела.
- Отец Вашего мужа тоже там был?
- Был, мой бацька был, и свекор был, мы кажам, и майго мужыка, и мой бацька быу, усе.
- А Вы могли бы припомнить, когда это было, зима, лето?

- Было лето, лето, якого числа, якого году то я уже не смогу запомнить.
- А когда они копали эту яму, их кто-нибудь охранял?
- Там два немцы стояло, два немцы стояло, а третий меня уже вел туды, як я сказала, што я хочу туды, побачыць. Третий меня вел, а два каля их стояло.
- А эта женщина, которая готовила немцам, как ее звали?
- Мария.
- А у этой Марии был муж?
- Не было. Яны молодые пожанилися, ага, а ён был из Польшчы, яе кинул и поехал, а яна осталася, и дзяцей у яе не было, ничога. Ён яе кинул и поехал, а яна жила. От та женщина Мария и спасла всю деревню. Все дзяковали яе, все дзяковали, и сённяя дзякуюць тоже, и я дзякую. Хоць яе уже няма, уже померла. От такие дела. Она спасла людей.
- А что еще, что было потом?
- Всего было потом, всего было, всякого.
- А в Вашей деревне жили евреи?
- Жили, кажу ж, жили. (???) я дала фотокарточку одну одного еврея, Лейба его звали. А женщина была Пэрла, жидовка, яна тутака у нас по суседски жила, хатка така старэнька была, ага. Яна занималася чым? (???) горшчыки, каструли, (???) у мяне есть горшчык таки. Я могу показать.
- О, потом посмотрю обязательно!
- Да. И то горшчыки яна плитала дротиком, и ёй заносили – горшчык насыплем жыта, ци чого, яна гэтым жыла. А немцы узяли яе, да на воз, да за воз зашчапили да повололи у лес, забили.
- За что зацепили?

- Конь, за воз, да туды ззаду за воз, зашчапили да поволокли.
- Поволокли?
- И закопали у лес.
- Так повели или поволокли?
- Поволокли за возом, за возом. И ее заволокли. Да покуль заволокли, да она неживая уже, уже забила, бо у лес. И там яшчэ можа яе и там застрэлили... И так, (???) прикопали чуть. А потом уже некольки время прошло да люди узяли яе оттуль забрали да так як яна была одета ды так мы кажам у дом, у скрыню, ды закопали, завезли, каб немцы не знали, не бачыли. И закопали на могилках.
- А сколько ей лет могло быть уже?
- Было ёй 60, она вже в годах была женщина.
- Это Пэрла?
- Пэрла. А Лейба был Милер, фамилия Милер, Лейба. Брали наши ваши гости шо, то брали за собою бацьку майго, и суседа, и Лейбу. Бо хоцели его ж сказнить. А бацька мой и други сусед и гаворать: «А то ён наш брат!», - обманули немцау, што наш брат, а так яго хоцели! Хоцели яго забиць. А ён таки хороши чоловек быу, ягоды чарнику прынимал, и то, и то, и таки рабочы быу, кому што робиць – людзи заплацяць. Як жа, як жа, трэ было жыць, гэтаму чалавеку. Ён сам из Чалябинска. Ён пабыу, немцы адступили, ён пабыу яшчэ трохи и выехау на родину, яго родина у Чалябинску, от, той Лейба. То и не брали гэтага Лейбу з с собой.
- Он уехал после войны?
- После войны.
- Так он всю войну спокойно так ходил?
- Быу у нас, нихто ничога, немцы знали, наверно, што ён еврей! Але усе: «еврей, наверно!», - да уже людзи ка: «Не, ён не еврей, ён

беларуски, наш чалавек». И мой бацька з ім на фотокарточке, бацька мой і сусед майго бацькі, і Лейба посурэдзіне, і кажа: «То ён наш, брат».

- А как звалі Вашэго бацьку?
- Паўлюк, Павел, а другога суседа...
- А фамілія?
- Ясько Павел Яковлевіч.
- А суседа?
- А суседа Данько, а, Марко Артёмовіч. От такія дела...
- А Вы відзелі, как Перлу поволуклі в лес?
- Я бачыла, але хто ж будзе там, што там, будзе казаць што то робицца, забьюць то і цябе.
- А Вы маглі відзець?
- А тут же, да, тут у суседкі яна жила. Я і горшчыкаў носіла (плетала???)
- А Вы відзелі, как ёе вывелі з дома?
- Вывелі і прывязалі к возу і поволуклі! І усе людзі бачылі. А хто ж, а скажы слова – і бах! І ляжаць будэш. От такі...
- А где быў Лейба, когда Перлу поволуклі?
- А Лейба, а што ж Лейба! Лейба не прызнаваўся, што ён жyd, ці евреј.
- А быў дома Лейба?
- А Лейба не бачыў гэтага, потым казалі яму што то ж Пэрлу поволуклі. А ён ка: «Што ж я сделаю...». А ён не баяўся прыступіцца у лес і к той Пэрле ідці кругом і сюды, баяўся, бо і яго б забілі. Яго ж бы забілі. Ён, і людзі не казалі, што ён евреј, і сам ён не прызнаваўся, што ён евреј. І усе, ён там остаўся, немцы

ступились, усё, и ён остауся ужывых и поехау на родину, от такие дела, на родину.

- Кто выводил Перлу из дома?
- Мо немцы, а хто ж.
- Сколько их было?
- Трох, трох немцау. Она (???) то женщина была красива такая, (???)... Трох немцау. Але ж я не бачыла, а то по суседски тут.
- А как потом в лесу в нее стреляли или не стреляли?
- А хто бачыу уже, она лежала уже пид кустом неживая. А, хто там стреляу, яе покуль-то поволокли так яна уже неживая! Яна уже покуль, ну як, от, чоловека привяжут и волокут, а ци стаеся ужывых уже? Уже ж ужывых не.
- А вот в Вашей деревне кроме Лейбы и Перлы были еще евреи?
- Были, были, але як пауцякали, пауязжали. Уже война пачалася, да пауцякали. А Лейба тый жа астауся, астауся. Кажа: «Няуже ж я остануся (???)». От, остауся Лейба ужывых.
- А когда остался в живых, Перлы уже не было, где он жил?
- Жыу тутака, яго комнатка такая была старэнька.
- В своем доме?
- Да, свой дом у их быу.
- Он же в своем доме жил?
- Да-да-да, да, о, ён и жыу, работау, ён жа хорошы быу, работау, усё. Потом после войны тут ягоды, чарника, як мы кажам, чарнику прынимау и здавау жа, яго любили, уважали, ён не обманщик быу – сколько заробиць чоловек, стольки ён и денег отдасць, усё.
- А в Вашей деревне тогда, я так понимаю, жили белорусы...
- Ага.
- Жили евреи...

- Поляки были.
- И поляки были...
- Да.
- А вот до войны как все были вместе, как Вы жили?
- Як, як жыли?
- Ну как жили?
- Плоховата жизнь была.
- Нет, но друг с другом как?
- А друг с другом ничего, добро жили. Ни сварки, ничего ниякого, рады были, што немцы ступилися хотя, хотя боле свобода. Никуды, боялися идти ни у лес, никуды ничего. Не было соли за що купить, а тут евреи у Ганцевич соль продали, мы к им, евреям, соли купим, пойдам на пешом, нясом той соли на плечах. Казау жа ни машины, ни поезда, ничога ж не было. Але евреи, дзе яны соль доставали? Бог их знае. Але мы к им ходили соль.
- Так подождите, соль эту Вы покупали до войны или во время войны?
- Уже как ступилися немцы.
- Когда немцы...
- Уже пошли.
- Когда ушли?
- Пошли уже немцы.
- Ушли?
- Пойшли уже немцы, уже не было.
- Когда уже не было немцев?
- Да, бо евреи гэтого ж не рабили б кеб пры немцах, не продали б соли, а уже не было их.
- А так соль Вы покупали уже после войны?

- После войны.
- И после войны в Ганцевичах были евреи?
- Евреи у Ганцевичах были, и много было их, жили. Да. После войны.
- После немцев?
- После немцев, да. Оступилися немцы, тады кажам: «У Ганцевичах жыды соль продаюць». Давай на пеша казау жа идти да куплять. Кто чарнику сухую занясе, поменяемо, хто за грошы. А якие здесь грошы! То казау жа у ваеннае время, дзе што заробиш! Дзе што заробиш, ой-ё-ё... Было трудна, трудна было перажываць ту вайну. И голод быу, и усе было, усяго было, усяго многа было...
- Ну а при немцах, вот еще при немцах, немцы у Вас отбирали имущество какое-нибудь?
- Не.
- Животные, скот?
- Не отбирали. Кроме партизаны нашыя тожа! У деревне были партизаны. Были (???)
- А партизаны отбирали?
- Да, немцы не, партизаны забирали.
- Партизаны забирали?
- Да! Я, мы, у нас свадьба была, там у майго бацька была, вечер, ага, а прыйшли ж партизаны! За столом сели, выпивают, кушают. А прыходят немцы трох: «Партизана нема?!». А там ужо бацька мой, усе да ка: «Няма, пан, партизана, няма». А партизаны сядзяць! А яны што, што дзе записана, ци шчо, да познаюць. А гэтыя партизаны да ка: «Мы тут едымо». Да усе тут да на их: «Шчо вы, вы усю дереуню згубице, и свадьбу, и нас жа тут пабьюць, и молодых, и усяких! Ничого, покушали – возьмите у сумку ды и уцякайце у лес, а не чапайце нияких немцау, ну». Ды и прышли праверыли, попытали, ци

партизана няма. Сказали: «нема!». Але ж (???) партизан. Можа там не записана у яго, што «я партизан!». Сядзиць чалавек у гасцях на свадьбе, да и усе.

- А скажите пожалуйста, как Вы относились к этим партизанам? Страшные были эти партизаны или хорошие были?
- Ну...
- Какие были?
- Яны усякия были. Прыдут, попросят, што дома есци, да и усе. А некоторые прыдут да за корову, да поволокут у (слива) – што ты будеш казать?! Бойся ж! И партизанау бойся и немцеу.
- А было такое, что партизаны корову забрали?
- Ой няуже ж! И корову забяруць, и цяля забяруць, ци порося забяруць, и у лес! Там уже (???). У их и мясо, у их и сало, у их усе есть.
- А у Вашей семьи забрали партизаны?
- У бацька майго цяля забрали, а у гэтай сямье не забірали. У гэтай сямье нейки сваяк майго свёкра, бацька майго мужыка, быу у партизанах. Так гэтак ж ад сваих не забірали. А у майго бацька никого не было у партизанах – забрали. Цяля забрали. И прыдут, дзе шчо е – дай то, дай то, дай то. Беднота была, у мацеры маея было сем дзяцей. Дзяцей не было чым кармиць! А партизаны прыдуць – дай, дай, дай, забірали... От такие дела.
- А немцы Вас гнали на работу?
- Гнали! Гнали, я рэзаць ходила метры, мы кажам, у лесе, метры. От два метры (???) И стояць над нами. Мы женщины, адны женщины. (???) Я дажа пераняла, ды не знала, мы думали хорошие слова, але я узнала ж, што то плохие слова. Можно прамо сказать, мо Вы знаеце (???): «падла» и «говно». Они так обзывали нас. Ну а мы ж думали

хорошие слова! Ну, гуд-гуд, гуд-гуд, и уже им: «Спасибо, спасибо Вам», - што уже яны, от такие дела.

- Часто Вас гнали в лес на работу?
- Не, часто не гнали, от таким што панобицца лес куды-то трэба, тады нас гоняць. И бабы, и мужчыны, всяких.
- А мужиков тоже гнали в лес?
- А няужэ! Мужыкоу кажны дзень, а баб та не кажны дзень.
- А мужиков каждый день?
- Да! Да, а усяка, а то бункера рабиць, а то нарэзаць дерева на бункер, а то то, а то то, ганили... дерево вязуць дзень бункер астауляць, уже мужчын гоняць бункера рабиць. Гонили.
- А много немцев было вот здесь у Вас?
- Так, много было, у тые женщины начальство стаяло, а немцы жыли у бункерах, а зараз там станцыя у нас у Люсени, тамака бункера были, и там яны жыли, гэтыя, простые немцы, а начальство жыли у Люсине, дярэуне, у тыей, я ж казала, Марыи, от, яны тутака были, старшэйшыя. Як ужо што трэба – тым жэ пазавуць, тых уже прывядуць, што ко трэба такее. Ну у нас то у дярэуне не вешали никого, не вешали, Бог дау, у Ганцевичах вешали. Туды и туды, туды и туды...
- А вот Вы могли бы припомнить, в котором году было повешение?
- Ну, мне было 19 лет як я жанилася с чловеком, а мне сёння, посчитайте, с 24-ого году, а колько год мне было, а колько год прайшло, посчитайте, я у 19 год замуж ишла.
- А этот случай, как с собой забрали мужиков, это было в том самом году, как Вы замуж выходили?
- Да, у том самом году. У том самом году, што я вешанне гэта угледзела, то и гэтых и мужыков.

- А Перлу когда забили, в том же году или раньше, или как?
- Я уже тут замужем была. Я тут уже была замужем, тут, по суседски, я ж кажу. Моя свякруха да ка: «Заняси, Маня, к Перле, да хай горшчыка апляце, бо поцёк горшчык». А я и заносила. Таки домик у яе быу невялички, яна сама жыла уже. Я занясла, яна кажа, мая свякруха кажа: «Шо ж эта жыта занясом? Трэба, мы ж забъём парася, да и скварачкау занясеш». А жыды ж тыя, евреи, не ели ж сало, не ели. Так мы уже больш такога – жыта, тое-кое перлоуки, проса было, просяных таких круп. От токее уже ёй носили. Яна такая женщина была, чаго яе сказнили! Боже, Боже... Усе (???), усе сяло.
- Так я понимаю, что белорусы делали горшкики...
- Да, да-да.
- А она...
- (???) сабе.
- Как, как Вы говорите по-белорусски?
- Оплетала.
- Оплетала.
- Оплетала горшчыки.
- Так у Вас еще есть горшок, что она делала?
- Е! Она делала, але она не делала уже мне. Она звязала уверсе, а уже так не оплетала. Она звязала, уже держаться будзе, бо уверсе лопнул, горшык эты.
- Так этот горшок, который у Вас есть, он от Перлы?
- Не, он от Перлы, але она только звязвала так, а так не оплетала, бо ён быу целы! Она та увершы венцами кажа.
- Но у Вас есть?

- Е, е! Даже и два нетодзи. Есць це ко, есць це ко. Яе успоминок. Да Боже дали да дали, да уже то кострули, да уже горшыка то е, да уже раница. Да уже поцек той горшык один и други, уже усе, от такие дела... Лодышечки были, горшчычки были, усе было, от такие дела...
- Мария Павловна, а Вы в прошлый раз упоминали имя Рейзы.
- Ну.
- А теперь Вы говорите «Перла».
- От и Перла и Рейза, мы так яе говорили. И Рейза, и Перла.
- То есть у нее было два имени?
- Два, да. Той са говорили.
- А вот теперь, когда ее привязали к этой повозке, кто лошадыю управлял?
- Немец, немец! Узяли у человека лошадку и усе! А мусиш дать, немец кажа «дайте», так куды ты денешся?! Бяры!
- Ну так доводилось Вам видеть, что случилось с евреями в Ганцевичах?
- Ну в Ганцевичах евреев только вешали, тожа кажущь евреев вешали. А каб знали точно што он еврей – вешали.
- Это говорили, а Вы сами видели?
- Я не бачыла! Только я тых людей, я не веду, не знаю, ци то евреев вешали, ци то нашыя! Русские.
- А что случилось с евреями в Ганцевичах вообще?
- Ой, уцякали! И уцякали, и убягали кто ведае куды, шчо, бо немцы ж не любили евреев.
- Но Вы не видели, что случилось?
- Не, не, не видела.
- Так и вот еще об этой Марии, которая спасла Вашу деревню...

- Ага.
- Как ее фамилия была?
- Цялушко Марья Артемовна.
- Повторите фамилию.
- Целушко Марья Артемовна.
- Цялушко?
- Марья Целушко, Марья Артемовна.
- Целушко...
- Марья Артемовна.
- А были у нее дети?
- Не было, не было у яе детей. Яна з мужыком жыла, из почты быу мужык, ён пожыл з ею и кинул, и яна адна жыла, адна жыла...